

Александр Афанасьев

**СУЩНОСТЬ
ВОЛКА**

18+

Александр Афанасьев

Сущность волка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67993832

SelfPub; 2022

Аннотация

Остросюжетный динамичный роман посвящённый сути и сущности цветных революций и антиправительственных движений в ряде стран мира, в том числе и на постсоветском пространстве.

Содержание

29 мая 2016 года. Узбекистан, Ташкент	5
31 мая 2016 года. Узбекистан, пограничная зона.	19
02 июня 2016 года. Казахстан, Акмолинская область	28
03 июня 2016 года. Казахстан, Акмолинская область	50
03 июня 2016 года. Баку	74
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Александр Афанасьев

Сущность волка

*Волки уходят в небеса
Горят холодные глаза
Приказа верить в чудеса
Не поступало
И каждый день другая цель
То стены гор то горы стен
И ждет отчаянных гостей
Чужая стая...*

«Би-2»

29 мая 2016 года.

Узбекистан, Ташкент

Она ощущала себя вымотанной до предела. Так никогда с ней не было... еще с детства, когда она бегала вместе с братьями по дорожкам базы, пытаясь подражать солдатам – а это была база Форт Брэгг, и солдаты были солдатами спецназа. Долгое увлечение триатлоном – спортом с чудовищными нагрузками, совмещающим бег, плавание и велосипед, причем все три дисциплины дают нагрузки на разные группы мышц – научили ее не обращать внимание на переохлаждение, усталость и боль, отбрасывать их, словно ненужный картонный стаканчик из-под кофе. Но почему-то именно сейчас, после долгого перелета с военной базы «Михаил Когальничану» в Румынии – она чувствовала себя так, как будто ее пропустили через барабан промышленной машины для стирки. Полная опустошенность и какая-то сосущая тоска...

Ее полет проходил через Англию, и два дня она ждала в Лондоне, пока утрясут какие-то формальности с дальнейшим маршрутом. Как всегда что-то напутали, она сняла номер в дешевом отеле и два дня гуляла по Лондону. Лондон оставил крайне тяжелое впечатление: старые кварталы, едва заметное, но все же заметное патрулирование частных охранных служб, небоскребы – и всего в нескольких сот-

нях ярдов от этого места – нищета, кварталы гастарбайтеров, надписи на стенах: «Здесь действуют законы шариата!». Азия, Азия, Азия... до боли знакомый говор – урду, нахин, пушту, диалекты арабского, слоняющиеся по улицам или просто сидящие у стен молодые парни с острыми как нож взглядами, старые машины, запах карри и куркумы... Все это могло бы быть в одном из районов Карачи – но это было здесь, в Лондоне, одной из столиц Запада, бывшей столицы метрополии. Вне всякого сомнения, были здесь и террористические ячейки – февральский взрыв в метро не давал в этом усомниться. На углу – в старом газетном киоске вместе с дешевыми газетами на урду и английском – торговали портретами Осамы бен Ладена, полиция, если здесь где-то и была – ни во что не вмешивалась. Она столкнулась и с новым, доселе не виданным – некоторые улицы были перегорожены аккуратными заборчиками из хромированной стали и вежливые полицейские в неизменных дождевиках ядовитого, желто-зеленого цвета проверяли документы у всех подозрительных. Подозрительные – это те, у кого слишком темная кожа, курчавые волосы и он плохо говорит по-английски. У нее документов не проверили, просто вежливо предупредили, что район опасен для туристов и ходить туда не стоит. Ей довелось в этом убедиться – уже на соседней улице ее попытались ограбить трое уродов... а может статья, в мыслях у них было и нечто худшее. Одному из них она выбила коленную чашечку, а другому – сломала обе руки в

запастях... очевидно эти трое не ожидали такого жестокого отпора от хорошо одетой белой туристки с видеокамерой. Больше к ней никто не приставал... хотя всё время, пока она была там – она чувствовала слезку.

Было грустно. Все, что происходит в мире... казалось, что их всех, весь их мир с небоскребами, уютными субурбами¹, военными базами, индексом Доу-Джонса, индейкой на День Благодарения, бесконечными хайвеями – неумолимо затягивает в какую-то адскую черную воронку. А на той стороне – все искажено до неузнаваемости... Черные братья с бейсбольными битами, майор Хасан² со своим пистолетом, «Я Шарли», гетто в их городах, окруженные заборами, но постоянно распухающими как хорошая квашня, безликие военные базы, как в калейдоскопе, контейнеры, усиленные мешки с землей по периметру, холодная сталь автомата постоянно под рукой, бронестекло боевой машины, облако подрыва... бесконечная, нескончаемая война, война как новый способ существования, война как неизбежность, война как...

Можно много говорить о современной войне и ни одно из

¹ Чисто американское понятие. Благоустроенный район с индивидуальными домами для среднего класса. По нашим меркам – это не дома, а настоящие сараи, дунул-плюнул – он и сложился. Но американцы так строят (*Здесь и далее прим. автора*).

² Нидаль Малик Хасан – военный врач-психиатр, иорданец по происхождению, 05.11.2009 года открыл огонь по своим сослуживцам на военной базе Форт-Худ в Техасе, убив 13 человек и ранив 30. Приговорен к смертной казни.

этих слов не будет правдой... по крайней мере, окончательной правдой. Правдой было то, что выхода не было. Для них, для американцев признавать это – было сродни безумию. Но многие из них уже начинали понимать... нет выхода. Нет выхода...

Единственной непререкаемой правдой было то, что война не прекращается вот уже пятнадцатый год...

– Мэм?

Она открыла глаза. Это был карго-менеджер, то есть специалист ВВС США, отвечавший за погрузку и расположение груза в грузовом отсеке самолета. Совсем молодой, привычно улыбающийся... ему еще предстоит кое-что понять.

– Мы совершили посадку.

Она молча встала. Повесила на плечо свою сумку, в которой лежали скудные туалетные принадлежности, смена белья и пистолет Глок-17, которым ее снабдили в Румынии. Молча пошла к лестнице, которая вела вниз, к боковому люку громадного транспортного самолета С5М «Галактика», совершившего свой очередной рейс в Ташкент, некогда советский город, а теперь еще одну горячую точку на планете. В его объемистом чреве – были патроны к стрелковому оружию, какая-то электроника и другие предметы, которые нельзя было доверить железной дороге. По крайней мере, часть груза – предназначалась военной разведке, на которую она сейчас работала...

Было жалко – но не так жарко, как в Ираке или Афга-

нистане – просто жарко. Самолет уже разгружали... погрузчики споро сновали у раскрытой аппарели, заезжали прямо в самолет, появлялись снова с обтянутыми стретч-пленкой грузами в стандартных паллетах, грузили их на полугражданские контейнеровозы – такие же, как в Ираке, турецкие Мерседесы с бронированными кабинами. Карго-менеджеры аэропорта считывали штрих-коды сканерами и руководили погрузкой, несколько солдат – присматривали, чтобы ничего не стащили... и еще за другим. Только недавно – при разгрузке один из местных пытался внести в самолет взрывное устройство...

Молодой, худощавый капитан, чисто выбритый и в черных очках – подошел ближе, с восхищением разглядел ее. На третьем десятке посмотреть еще было на что – высокая, она занималась триатлоном и поддерживала себя в форме.

– Мэм, вы майор Ховард?

– Да... – она достала из нагрудного кармана стрелковые очки и надела их, – это я.

– Добро пожаловать в Узбекистан, мэм. Наша машина – вон тот Хамви. На погрузку уйдет минут пятнадцать, потом мы поедем. Можете подождать в машине.

– Не беспокойся парень. Я найду, чем себя занять.

Капитан подарил ей еще один восхищенный взгляд и бросился обратно к самолету, следить за погрузкой. Странно... в Дельте на нее никогда так не смотрели... может, сказывалось то, что ее отец был командиром эскадрильи и вряд ли

бы проявил понимание. Двое из ее братьев – до сих пор служили в Дельте, на кой то черт переименованной в Combat Application Group, Группу боевого применения. А отец – остался в боевом составе Дельты навсегда... его застрелил какой-то ваххабитский ублюдок в Ираке, во время операции низкого профиля – *low profile*³. От осознания этого – хотелось кричать...

Она отошла чуть подальше от громадного самолета, чтобы осмотреться. Это был аэродром прямо в центре Ташкента... очень большой. Она слышала, что когда-то здесь был советский завод и тут строили военно-транспортные самолеты. Теперь здесь была американская военная база – огромные заводские корпуса прекрасно подошли под склады, а летное поле – позволяло принимать самолеты всех типов, в том числе семьсот сорок седьмые и громадные Галактики, которыми можно было перебрасывать танки.

Это был Узбекистан. Еще в начале нулевых аналитики Пентагона выпустили совершенно секретный документ, в котором перечислялись семь стран, с которыми в будущем предстояло воевать Америке, документ был для старшего офицерского состава – но почти сразу просочился в прессу. Это было попыткой обосновать и как-то обрисовать «ось зла», эффектное, но бессмысленное определение, которое дал врагам тогдашний президент США Джордж Буш. В число этих семи стран попал и Узбекистан, бывшая республика

³ *low profile* – то есть в гражданской одежде и на гражданском транспорте.

СССР, а теперь нищее, перенаселенное государство в Средней Азии, управляемое бывшим коммунистом, под влиянием исторического момента превратившимся в самовластного диктатора. Узбекистан – находился в глубине континента, и не было ни одной страны, которая бы с ним граничила, и в которой было бы американское присутствие – а потому было непонятно, как с ним воевать вообще. Но тогда все думали, что и Афганистан и Ирак – это уже «проехали» и искали новые цели. Потом, спустя много лет, когда стало понятно, что они проигрывают – за Узбекистан зацепились потому, что он был ключевой страной в регионе и, контролируя его – можно было не допустить обрушения всей геополитической конструкции, оставшейся тут со времен Советского Союза. Здесь остались достаточно приличные военные сооружения со времен СССР и укрепленная государственная граница, по ту сторону которой – бесновались талибы. Еще одной страной, определяющей расклад сил в регионе был Казахстан, громадная, в семь раз больше Узбекистана страна, при том что ее население было примерно на треть меньше. Эта страна тоже была относительно прозападной – но в ней были сильны позиции России, и потому – ставка была сделана на Узбекистан как на противовес. Еще одним основанием к тому, чтобы сделать ставку на Узбекистан были дочери его диктатора – очаровательные Гульнара и Лола имели недвижимость и бизнес в Штатах, а, следовательно – находились под контролем. И все было бы ничего, если бы не вялотекущая граждан-

данская война всех со всеми, беженцы, просто отчаявшиеся и готовые на все нищие, эвакуированные из Афганистана представители меньшинств, имевшие солидные претензии на власть и подкреплявшие их опытными и готовыми на все бандами – бывшей полицией и армией демократического Афганистана... крепкий, убойный коктейль, в котором не смог бы разобраться, наверное, и сам Сатана.

К счастью для нее это – только транзитный пункт. Ее миссия – в Казахстане, там немного потише. Если честно – операции *low profile* в таких странах как эта, где нет правых, и каждый в чем-то виноват – ей порядком поднадоели.

– Мэм!

Капитан махал ей рукой от Хаммера

* * *

Хаммер был «афганский» – с дополнительным, тяжелым бронированием, но не последней модели. Когда американскую армию выводили из Афганистана – надо было куда-то девать технику. Чем везти обратно в Америку – проще было ее уничтожить на месте. Но вместо этого – они вывели эту технику сюда, по крайней мере, ее часть, оплатив этим сотрудничество с Узбекистаном на какой-то период. Теперь узбекская армия имела самый большой процент НАТОвской техники, остальные страны региона традиционно ориентировались на Россию или закупали что-то дешевое в Турции или Китае...

На выезде – стоял бронетранспортер морской пехоты и его

пушка – была обращена в сторону города. Дальше – дорога резко заворачивала, был виден какой-то мусор...

Морской пехотинец просканировал удостоверение капитана и сделал знак проезжать.

Они выехали на городскую улицу, тронулись по ней со скоростью примерно тридцать миль в час – больше не позволяло состояние дороги. Улица была разбитая, вся в ухабах. Тяжелые машины переваливались с бока на бок и иногда ухабы были такие, что можно было перевернуться...

Капитан сосредоточенно рулил.

– База за городом – сказал он – это бывшая база Советской армии. Там есть ваши...

– Спасибо – отозвалась она

Они выехали на какую-то другую улицу, намного более широкую. Какая-то реклама, частично на русском, который здесь до сих пор понимает почти любой, есть и на английском. Одинаковые машинки... похожие то ли на старые европейские, то ли на японские... и на ее первую машину тоже, она купила маленькую «японку» за пятьсот долларов, чтобы не сильно тратиться на бензин. На перекрестках – полиция, кое-где бронетранспортеры. Видны следы погромов, в одном месте она увидела что-то напоминающее магазин – сожженный.

– Что здесь произошло? – спросила она, указав на магазин

– О... ничего особенного. Видимо, рэкет.

– Рэкет?

– Точно. Может быть, исламисты прислали флешку – плати закят, а то сожжем. Может быть, афганцы наехали. Многие здесь платят и муслимам, и афганцам – потому что иначе нельзя. Неудивительно, что цены такие высокие, а люди такие нищие. Этот видимо пожадничал, платить не захотел, или обманул в чем-то. Его и сожгли.

– А что такое афганцы?

– Бывшая афганская полиция, армия, эвакуированная сюда. Вы же знаете, мэм, что наше присутствие в Афганистане базировалось на национальных меньшинствах, они к нам были лояльными – а вот найти лояльного к нам пуштуна было большой проблемой. Таджики, афганцы, хазарейцы. Когда в Афганистане произошло то, что произошло – мы надавили на местные власти, чтобы они приняли беженцев. Казалось бы – есть узбеки, есть Узбекистан... что может быть проще. Но тут страна и так переселена, а местные не хотят делиться ни землей, ни властью. ООН и мы построили лагеря беженцев и новые жилые городки, большая часть помощи разворвана. Местные власти не хотят давать беженцам паспорта и потому те не могут нормально устроиться на работу. Он вынуждены наниматься нелегально, а то и без денег, просто за еду. Это сбивает цены на рабочую силу и местные начинают ненавидеть беженцев. Местных – обрабатывает Аль-Каида, Хизб-ут-Тахрир, они внушают им что беженцы – не мусульмане, а предатели, продавшиеся нам и их всех надо или обратить в настоящий ислам или уничтожить. Среди бежен-

цев есть много бывших полицейских и военных, они пришли сюда с оружием и раздобыли его здесь – для самозащиты. А так как есть нечего, и работы нет – они сбиваются в банды и начинают зарабатывать криминальным путем. Охрана наркотоплантаций, похищения людей, заказные убийства, рэкет. Власти естественно не в восторге, никаких настоящих демократических институтов тут нет, а если бы и были – местные не привыкли выражать свою волю на выборах. Каждая полицейская операция превращается в боевую, на прошлой неделе в Андижане опять были беспорядки – человек семьдесят только убитых – и не только среди гражданских, эти гражданские стреляли по бронетранспортерам из РПГ, я сам это видел. Все что мы делаем тут – это сидим задницей на крышке большого котла и пытаемся ее удержать. И сидеть чертовски горячо...

– В новостях этого не было.

– И не будет. Это конец цивилизации. Конец всего. Конец обитаемого мира. Тупик. Никому не интересно, что здесь происходит... пока в Лондоне или в Нью-Йорке не взрывается очередная бомба.

Они уже шли пригородами. Все тоже самое – какие-то машины, полицейские патрули, нищие, впрягшиеся в телеги и что-то везущие.

Нет выхода.

– Откуда вы? – спросила она

– Бозмен, штат Монтана. Знаете, как там красиво...

– Я бывала там... на учениях.

– Вам надо было сходить на Гранитный пик... порыбачить на озерах...

– Вы доброволец?

Капитан криво усмехнулся

– Можно и так сказать. Работы нет... а здесь платят хорошую доплату, почти как в зоне боевых действий. Вербовщик сказал правду: несколько лет и можно выкупить дом и что-то сделать. Лично я собираюсь взять в аренду кое-какие уголья и работать проводником. Как?

– Неплохо – сказала она

– И я так думаю. Еще три года – и я уберусь отсюда к чертовой матери...

Капитан повернул руль и с ненавистью сказал

– Как же меня тут все задрало...

* * *

Станция Defense Clandestine Service – военной разведки США находилась в десятке стандартных, усиленных бронепластинами контейнеров, стоящих рядом с бывшей вышкой управления полетами, на какой-то заброшенной советской истребительной базе. Работающие кондиционеры давали вожажденную прохладу.

Начальник станции, подполковник Ф.Э. Монро, очкастый толстяк лет сорока, просканировал ее карточку, посмотрел на то, что высветилось на экране мобильного компьютера.

– Окей... – сказал он – но придется немного подождать.

– Немного – это сколько?

– Пару дней.

– В чем дело? – недовольно сказала она – я уже ждала пару дней в Лондоне

– Небольшая проблема. Офицер, который обеспечивает наше окно на границе – отсутствует.

– Болезнь?

– Нет, свадьба родственника. Местные то и дело женятся... мне пришлось дать ублюдку тысячу долларов на подарок. Когда он выйдет на работу – вы пройдете.

– А без него нельзя?

Подполковник улыбнулся

– Не стоит рисковать. У нас есть свободный номер в гостинице Узбекистан, мы заселим вас туда. Только не стоит выходить на улицу. Питаться можно и в гостинице. Здесь нет такого понятия «Зеленая зона», на улицах опасно. Тем более вы женщина.

– А в чем проблема?

Подполковник снова улыбнулся – вежливая, ничего не значащая улыбка

– Без обид, майор, но здесь даже мужчинам тяжело. Если вы выйдете на улицу одна, вас могут изнасиловать группой и убить. Могут похитить.

– Последний кто пытался это сделать, будет хромать всю жизнь.

– Здесь на улицах – банды мародеров и просто всяких от-

морозков, сбившихся в стаи... они активны даже днем, и у них есть оружие. Ходят слухи, что некоторые полицейские подрабатывают похищениями людей. В любом случае я вас предупредил...

Она сунула руку в сумку... прикосновение шершавого пластика Глока немного придало уверенности.

– Спасибо за предупреждение. Просто дайте знать, когда окно для меня будет готово.

31 мая 2016 года. Узбекистан, пограничная зона.

Ад на границе – это нельзя было описать никакими словами. Это было, как в Африке... может даже и хуже. Трудно было поверить в то, что она видела... а видела она немало.

Два дня в Ташкенте – были обычными днями, насколько они могли быть обычными в тихо и страшно воюющей стране. Гостиница – сильно напоминала знаменитый Отель Интерконтиненталь в Кабуле, она охранялась частной охраной, а почти весь обслуживающий персонал начинал любой разговор с предложения поменять валюту. Она поменяла немного, прошлась по улицам... следы бывшего благополучия совмещались с гнойными язвами нищеты... на улицах просили милостыню, почти на каждом углу в вонючих самодельных печках готовили какую-то еду... отчего большинство деревьев в городе было вырублено на дрова и смог стоял над городом. Ей сразу дали документ официального прикрытия – паспорт на имя Валери Монро, гражданки Канады и журналистскую карточку газеты Торонто Стар, подлинную и с местной аккредитацией – и с этой карточкой она ходила по городу, кое-что снимая. Страшнее всего было в пригородах... в Ташкент не пускали беженцев с их лагерями, но так как в Ташкенте можно было заработать хоть ка-

кие-то деньги – именно у Ташкента и у самой границы – как нарывы вскакивали лагеря беженцев. Никто им по-настоящему не помогал и не хотел помочь... и она отлично знала, что будет дальше. Она была неглупой, умела составлять и анализировать и перед тем как получить назначение в Оборонную тайную службу* – она прошла курс агентурной работы и практику в качестве военного аналитика. Все с этого начинается. Сейчас... беженцы еще на что-то надеются – но скоро это пройдет и они поймут, что обратно не вернутся. И этот лагерь, выстроенный как временный – на самом деле их постоянный дом. Местные власти не заинтересованы в их пребывании здесь, местные жители видят в них либо конкурентов, либо дешевую рабочую силу, которую можно обмануть с оплатой труда, потому что у них нет паспорта, и они не пойдут жаловаться в полицию. В условиях жестокого и критичного мира вокруг, постоянного давления они начнут организовываться... внутри лагерей появится тайная иерархия, собственные лидеры, полиция, вооруженные силы – и лагерь станет серой зоной. Серая зона – вот новое определение все большей части современного мира. Этот термин – появился в словаре спецслужб в конце нулевых, им обозначались те регионы, страны и участки, в которых не было никакой власти вообще. Совсем никакой. Это была новая угроза, и именно из-за нее борьба с терроризмом была такой затяжной и страшной. Терроризм существовал всегда. Господи, в 80-е годы почти в каждой стране западного тира суще-

ствовала левацкая террористическая группировка – в Германии – группа Баадер-Майнхоф, во Франции Аксьон директ, Прямое действие, в Италии – Красные бригады. В Англии – была проблема с ИРА. Причем им помогали русские, обучали их в Крыму, а такие ублюдки, как Каддафи, готовы были отгружать им оружие целыми кораблями. В восемьдесят шестом году в Ливии было 250 тренировочных лагерей! Но вот того, что есть сейчас ... серые зоны, зоны полного, абсолютного безвластия, зоны, где нет никакого государства вообще и оно не появляется – таких не было. Несколько лет что-то подобное было в Ливане – но туда пришли сирийцы, и первое что они сделали – так это восстановили государство, пусть жестокое и несамостоятельное – но все же государство. Палестинцы – у них не было государства, но они боролись с Израилем именно за право его создать. С любым государством можно иметь дело, даже с таким как Северная Корея. Но с Серой зоной иметь дело нельзя, это просто бессмысленно. И пока она есть эта Серая зона – будут проблемы. А за последние годы – они не только сокращались, они расползались, как будто в школьный глобус кто-то ткнул окурком. Это ждало и Узбекистан – через какое-то время...

Постепенно в этих местах появляются проповедники. Они начинают обличать и обличать во многом справедливо. А когда отчаявшиеся люди спрашивают – что они могут сделать, как они могут изменить все это – им в ответ читают

«Стихи войны» из Корана и рассказывают про Аль-Каиду⁴. Про странника – шейха, который отринул миллиардное богатство и отправился в горы, чтобы воевать с неверными – шейха этого звали Осама бен Ладен. Про Талибан⁵ и одноглазого фанатичного муллу Омара, который однажды отказался есть белый хлеб и сказал, что не будет его есть до тех пор, пока белый хлеб не будет на столе каждого афганца. Про Хизб-ут-Тахрир, про Таблиги Джамаат, про их сторонников, взорванных беспилотниками, замученных в застенках, казненных. И он, и эти проповедники скажут – а что вам терять? Вставайте на джихад, отриньте те законы, которые вам навязали неверные и по которым вы должны быть бедны, силой возьмите все, что вам нужно.

Так – у Аль-Каиды⁶ прибавляется сторонников.

И рядом с этим она видела дорогие машины, в основном Мерседесы и тяжелые джипы Шевроле, Тойота и Форд, видела женщин, что-то покупающих с вооруженной охраной из нескольких человек, видела огороженные высокими заборами кварталы с колючей проволокой под током и вооруженной охраной. Те, кто жил в этих местах, кто ездил на Мерседесах, кто тратил на безделушки за день столько, сколько надо, чтобы несколько семей питались месяц... удивительно, но они не просто игнорировали страдания людей рядом

⁴ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁵ Террористическая организация, запрещена в РФ.

⁶ Террористическая организация, запрещена в РФ.

с ними – они их просто не замечали, как будто этого и не существовало вовсе. Они жили в каком-то своем уютном мире, который построили здесь, и составной частью которого были бронированные машины и вооруженные телохранители... да, и на то и на другое приходилось тратить деньги, наверное, и немалые деньги. Но они и не думали о том, чтобы сделать что-то иное, для них стена телохранителей, отгораживающая их от других людей, была такой же обыденностью, как для других, скажем, чай в пять часов вечера. Они не пытались изменить страну, где они живут и жизнь своего народа – они меняли свою жизнь и жизнь на крошечном пятнышке земли, отгороженном забором и колючей проволокой. И думали, что этого достаточно...

Изнасиловать ее не пытались. Она заметила слежку... но это были какие-то малолетние бандиты. Она показала им Глок – и те моментально скрылись.

Потом – местный таможенник отгулял свадьбу, и она направилась в Казахстан за рулем арендованного на газету ЛандКрузера. Ей надо было прибыть в Алма-Ату, там ее должны были встретить.

Но то, что творилось у границы...

Беженцы... беженцы... беженцы. Какие-то палатки, НАТОвские и устаревшие, видимо русские, смог и гарь от горящих автомобильных покрышек, какие-то импровизированные базарчики у дороги, на которых продавали все что не попадя.... видимо, последнее, чтобы выручить хоть какие-то

деньги на еду. Тут же – адская вонь от уборных, ветер несет по дороге обрывки туалетной бумаги с характерными коричневыми мазками... почему то едва ли не первое что привозили беженцам была туалетная бумага, видимо производители постарались. И ненависть... спереди стекла ее машины не были тонированными, и какой-то пацан лет десяти, увидев, что она, западная женщина смотрит на него – провел ребром ладони по горлу. Сомневаться в природе этого жеста не приходилось.

Какие уж тут сомнения...

Граница – и с той и с другой стороны была забита транспортом... в основном китайские грузовики, но были русские и немного европейских. Как только один из них вставал на подъеме, вставала вся колонна. А местные – подкидывали гвозди и даже стреляли... эти грузовики шли не им, и не проблема была их разграбить. Перед пограничным постом – можно было видеть, как вооруженные люди ходя вокруг остановившихся грузовиков и на крышах грузовиков тоже сидят люди... видимо, сменщики водителей. Смотрят, чтобы не разграбили...

В Казахстане в прошлом году, говорят, сняли невиданный урожай. Сейчас – торговали мукой...

Газуя по обочине – она объехала колонну грузовиков. Подкатила к посту, назвала нужное имя. Вышедший офицер даже не стал смотреть ее документы. Сказал строго – Двести долларов...

* * *

Алма-Ата, полуторамиллионный город – был ухоженнее, благополучнее и тише...

Он был современным... с только что отстроенным даун-тауном, с небоскребами, с торговыми центрами и элитными жилыми кварталами. Здесь на улицах был относительный порядок, и полицейские дежурили на маленьких Фордах – вооруженные, правда, автоматами.

Когда-то Алма-Ата была столицей Казахстана, потом ее перенесли в Астану, город втрое меньше и расположенный где-то там, в степях. Но здесь уже успели открыть посольства... и теперь в Казахстане многие посольства существовали в двух городах, тем более что центр деловой активности остался в более крупной и развитой Алма-Ате. Станции военной разведки в Казахстане не было, вместо нее существовала станция ЦРУ – она была как раз в Алма-Ате. Ее начальник, Марсия Грегори, моложавая и следящая за собой женщина лет сорока – пригласила ее в горы, куда они доехали в маленькой кабине фуникулера. Алма-Ата стояла у самых гор, и было очень красиво. Нежелание говорить в посольстве Марсия объяснила тем, что в Алма-Ате был очень активна русская разведка и все посольство прослушивалось...

– Вот все что ты просила... – начальник станции передала маленькую, размером с ноготь карту памяти – если честно, я не понимаю, зачем вам нужен этот человек

– Как вы его нашли? – спросила майор Натали Ховард.

Она смотрела на Алма-Ату с высоты птичьего полета... но это был всего лишь горный обрыв и огромная плотина рядом

– Просто попросила. У меня друг работает в КНБ это местная разведка. Они имеют возможность пробивать людей по базам.

– Как вы это объяснили?

– Как обычно. Сказала, что человек подал документы на вид на жительство. И мы должны проверить.

Натали кивнула

– Как туда добраться?

– Я скачала местную карту дорог с коммуникатора... она там же, отдельным файлом. Ко всем городам ведут дороги. Маршрут я отметила. Просто поезжай по дороге и никуда не сворачивай. Страна очень большая, огромная степь. Можно заблудиться и пропасть.

– Я поняла.

– Может, тебе нужна помощь, или прикрытие... я могу попросить.

– Не нужно.

– Иногда... в городах здесь бывает опасно... – начальник станции ЦРУ нервно пожала плечами – эти беженцы... Местная власть их не пускает, но они все равно просачиваются. Там куда ты поедешь – недалеко угольный разрез. А на нем работают всякие... И русские – там набирают гастарбайтеров, чтобы работать у них на севере за копейки. Еще местные фермеры нанимают поденную рабочую силу, сейчас

как раз лето. Поэтому – там беженцев не меньше, чем здесь и есть очень опасные. На дорогах начали грабить... отнимают машины... убивают... недавно целую семью убили. На твоём месте я бы взяла сопровождение.

– Нет.

– Но почему?

– Если он увидит сопровождение, он может всех убить.

02 июня 2016 года. Казахстан, Акмолинская область

ЛандКруизер – дорожный крейсер – полностью оправдывал свое название, пожирая километр за километром дороги, ведущей куда-то на север в бескрайней степи. Дорога была небольшая, по американским меркам, всего две полосы в каждом направлении. Иногда встречались заправки, какие-то гостиницы, стоянки для траков – но нечасто. Это был океан – безбрежный земной океан, пустыня, через которую можно было ехать и ехать. Рай для одиночек. Кое-где она видела мощные тракторы, поля явно обрабатывались, где-то – ничего не было кроме безбрежной степи и какой-то травы, колышущейся под ветром подобно волнам. Ей было здесь неуютно – она никогда такого не видела. Казалось, что людей здесь нет совсем... даже в России такого не было. Там были какие-то деревни, перелески... а тут совсем ничего. Здесь можно было снимать фильмы – постапокалипсис о гибели человечества и первозданной земли. Пустота пугала ее... она привыкла действовать в переполненных городах, в лагерях беженцев... тот, кто побывал в таких местах как Пешавар, Карачи или Садр-Сити в Багдаде... понятно, в общем. Но двигатель работал, счетчик отсчитывал милю за милей, в коммуникаторе на приборной панели – стрелка неумоимо

ползла вперед – и она приближалась к своей цели, по пути обгоняя большегрузные траки. Интересно... наверное, Казахстан это самая малозаселенная страна в мире... не считая Антарктиды и может быть, Австралии. Наверное, она даже пустыннее Австралии.

Интересно... почему бы в этом безбрежном океане не выделить сколько-то земли для тех, кто ютится сейчас в лагерях беженцев, для тех, кто в Пакистане от бескормицы приходит в города, где им нет ни работы, ни жилья, ни помощи. Но нет... это невозможно. Не здесь, не сейчас, не в этом мире. Они уже не испытывали иллюзий – человек, который взял в руки автомат, просто так не станет работать, дай ему хоть сколько земли. Безумная логика событий – подталкивала только к одному: к уничтожению...

Чем ближе к российской границе – тем оживленней пейзаж, появлялись какие-то здания, даже заводы, конные пастухи пасли стада. Машин тоже было больше, российские чуть превосходили по численности китайские, но китайских пикапов, неприхотливых и дешевых было очень много. Нельзя сказать, что это было нецивилизованное место: в одном придорожном кафе она вкусно и за смешные деньги пообедала, мясо было хорошо прожаренным и вкусным, а люди – приветливыми и дружелюбными. Она даже задержалась, чтобы сделать несколько снимков и записать на цифровой диктофон несколько бесхитростных житейских историй – и, в конце концов, она журналистка, и должна оправдывать

свое прикрытие...

Потом – населенность стала еще больше, и машин было больше, и она догадалась, что едет к Астане, новой столице страны. Это ее не устраивало – и она повернула вправо, чтобы объехать – в столицу, с ее усиленными мерами безопасности ей соваться вовсе не улыбалось. В воздухе – веселым пузырем парил белый дирижабль, она узнала его – средство дистанционного контроля территории, такие же – использовались в Афганистане. Очевидно – правительство как может, прикрывает столицу страны. Когда перед поездкой она слушала брифинг по состоянию дел в Казахстане, аналитик сказал, что в последний год – отмечено появление в степи конных и моторизованных банд, совершающих разбои, налеты и убийства. Они как то странно назывались... басмачи, да. Басмачи.

Скоро над половиной Земли – будут висеть такие дирижабли, защищая ее от другой половины. Поможет ли...

Последняя точка в ее странном и волнующем странствии – была в городе, в котором широченные улицы – совмещались с нищей коммунистической застройкой, которую они видели в Афганистане и на базах в Восточной Европе, которые иногда использовали для тайных миссий. В этом районе – если верить местным спецслужбам – жил человек, который ее очень интересовал.

Для того, чтобы узнать о том, где находится конкретный человек – можно обратиться к властям, а можно – выбрать

неофициальный путь. Она выбрала второе и припарковала машину возле заведения, которое здесь, по-видимому, исполняло обязанности забегаловки. Для обычного придорожного фастфуда – оно было слишком капитально построено, а для ресторана – слишком убого. Это было двухэтажное здание серого бетона, единственным признаком архитектуры в котором была какая-то композиция на стене, выложенная камнем. На ней – великан, вид которого мог испугать детей – то ли угрожал кому-то, то ли куда-то кого-то звал...

Внутри – было достаточно малоллюдно. Как и в большинстве русских закусочных – не было официантов, надо было подходить к стойке, покупать заказ, а потом самому нести на столик. Видимо, русские сэкономили...

– Пирожки... – типично русское блюдо, его можно заказать в любом месте, и сойти за своего.

– С мясом, с печенью, с рисом? Лук – яйцо?

– С мясом... Три штуки.

Пирожки были какими-то странными, трехугольными.

– Двести тенге...

– Рублями можно?

У нее были казахские деньги – но крупными купюрами.

– Давай рублями...

Близость границы сказывалась.

Она порылась в кошельке, словно мимоходом засветив пачку денег. Затем наклонилась вперед – у русских нет понятия «личное пространство», приближение создает довери-

тельность.

– Спасибо. Я кое-кого ищу.

Толстуха за стойкой поощрительно улыбнулась

– Здесь?

– Да... Берг, Василий...

– Берг...

– Говорят, он живет неподалеку. Занимается... сельским хозяйством.

– А... Немец. Так бы и сказала. Как из города выедешь...

Толстуха весьма понятно и образно объяснила путь.

– Благодарю

Она отделила от пачки пару купюр – но толстуха не взяла.

– Не надо... чего там. А ты его жена, да?

– Нет... знакомая.

Русские считали возможным просто так обсуждать даже глубоко личные темы.

– Ага... – толстуха засмеялась – знакомая. Впрочем... он мужик хороший. Дело в руках кипит, уважают его. Он говорил, что у него из Германии семья должна приехать. Ты думай... может и не приедет... Хотели бы приехать в нашу глушь – так и приехали бы. А нормальные мужики на дороге не валяются...

– Да... я поняла.

* * *

Найти место, где жил «Немец» оказалось несложно, толстуха подробно объяснила, как проехать. Здесь – пустоты не

было, вся земля возделывалась, она видела какие-то строения, похожие на теплицы и довольно большое здание... видимо, для хранения техники. Она достала что-то вроде подзорной трубы, осмотрела дом. Дом как дом... приличный на вид, немного похожий на тот...

Недобрые воспоминания отзывались ноющей болью. Русский – почти тащил ее на себе до границы несколько сотен километров. Если бы не он...

– Зачем ты приехала...

Она обернулась. Русский стоял рядом, в каком-то камуфляже – и в руке у него был автомат чешского производства.

– Поговорить.

– Ты одна?

– Да, одна.

– Отойди от машины. Положи сумочку на капот.

Она сделала все, как он сказал. Русский – проверил машину, настороженно, открывая двери стволом автомата.

– Убедился?

– Что тебе здесь надо?

– Я же сказала – поговорить.

Русский несколько секунд колебался

– Поехали...

* * *

Как я узнал о неожиданной гостье? Ну... вопрос на самом деле простой. Это место – остатки некогда всесоюзной программы по освоению целины – не любит чужих. И

если кто появляется чужой и начинает расспрашивать – обычно звонят и предупреждают.

Что мне делать? Ну... наверное, мы все же в ответе за тех, кого приручили. Я тащил ее на себе... не давал умереть... я ведь ради чего-то это делал. Не просто так.

* * *

– Странно... я никогда не представляла тебя... фермером. Русский пожал плечами

– Работа как работа. Я покупал здесь землю, когда у меня были свободные деньги.

– Почему землю?

– Надежное вложение. Земли больше не делают. Теперь придется продавать.

– Мы не имеем к тебе претензий.

– Это неважно. Нашли одни – найдут и другие...

Темнело. Солнце – садилось где-то на западе, заливая землю оранжево-желтым цветом. Тени змеями ползли по земле. Становилось прохладно... температура падала на глазах, как это бывает в пустыне. Она поплотнее укуталась в русский теплый бушлат армейского образца, грея руки о кружку.

– Почему тебя зовут здесь немцем? – спросила она

– Я говорю, что я немец. Из тех, кто уехал в начале девяностых в Германию – а теперь вернулся обратно. Это хороший способ все объяснить. Впрочем, это мало кого интересует.

– И сколько у тебя земли?

– Полторы тысячи гектаров.

Она перевела в квадратные акры... получалось прилично.

– Поверь, я не хотела, чтобы тебя беспокоили. Но я тоже подчиняюсь приказам.

– Что ты хочешь или не хочешь – в нашем мире никого не интересует. Тебе говорят – и ты делаешь это. Нет...

Русский не договорил. Она поежилась от холодного ветерка, налетевшего с пустошей.

– Ты свободен от всего этого теперь?

– Никто не свободен. Из системы нет выхода. Можно спрятаться от нее – но она рано или поздно тебя найдет.

– Ты хорошо спрятался

– Но ты же нашла...

– Потому что нам нужна помощь.

Русский отрицательно покачал головой

– Уже поздно говорить о делах. Оставим до завтра.

* * *

Ночь здесь была тихой и темной. Ей, привыкшей к шуму городов, к летающим даже ночью вертолетам Форт Брэга, к ночным разрывам ракет неподалеку от опорной базы на окраине Багдада – было непривычно слушать тишину. А ее надо было именно слушать – тишину...

В доме было тепло. Она лежала и думала... о многом. О русском... о том, как он стал таким, какой он есть... и как она сама стала такой, какая она есть. О бурном море жизни, прибавившем их друг к другу.

Он убийца. Она понимала это. Неважно, как он стал таким, но сейчас он – именно такой. Он не такой как она, как ее сослуживцы – они все таки нормальные люди, волей судьбы попавшие в глубоко ненормальные обстоятельства, и пытающиеся остаться самим собой. Когда младший брат приехал к семейному очагу... это было перед его крайним назначением в Йемен – они поехали в одну придорожную забегаловку, в которой часто питались в детстве... и она заметила, что брат неосознанно бросает машину из стороны в сторону по дороге, создавая опасную ситуацию. Она спросила – что ты делаешь, а он вдруг понял, и смущенно ответил – черт... Он делал так для того, чтобы в машину не попала ракета РПГ... на дороге в Северной Каролине. Она знала о проблемах у старшего брата... они развелись с женой, потому что у них уже несколько лет не было секса, а были только скандалы. Он вскакивал по ночам... кричал команды.

А русский не такой. Он принял этот мир таким, какой он есть и он живет в нем совершенно осознанно, он не считает его ненормальным. Его мир – это удары из-за угла, взрывы, слежка, ненависть. Он не терзается, не вскакивает по ночам... он просто живет в этом мире... как лев. Лев не испытывает никакого сожаления от того, что задрал на завтрак детеныша буйвола... он ему нужен как пища и не более того. Так и этот русский.

Сама не зная зачем – она встала и вышла из комнаты. Русский отдал ей свою кровать, а сам сказал, что будет спать на

диване в холле.

Она вышла из комнаты на втором этаже... тут была небольшая галерея, лестница вела вниз в большой и просторный холл. Она начала осторожно спускаться вниз, ступенька за ступенькой. Почему-то ей стало интересно... русский дышал глубоко и ровно... он спит. Неужели он и в самом деле ничего не чувствует...

– Никогда так не делай... – раздался негромкий голос
Он не спал!

* * *

На самом деле я, конечно же, спал – человек не может не спать, человек должен набираться сил для нового дня. Просто я сплю не так, как спят обычные люди. Такому сну учат в кое-каких учебных заведениях... пятьдесят секунд сна, после чего десять секунд полусна, когда ты можешь слышать и оценивать обстановку. Увы, научившись такому сну – нормально спать вы уже не сможете. Это навсегда. Как и все то, что вы совершили...

* * *

– Извини...

– Иди... спи.

И она, сама не зная, зачем сказала

– Я... тебя еще не поблагодарила...

* * *

Просыпались здесь рано...

Когда она проснулась – русского уже не было. Она побе-

жала вверх и быстро оделась, словно стыдясь того, что произошло, потом осторожно выглянула из окна. Русский был там, он был в камуфляже, принятом в российской армии – но это ничего не значило, в России часто ходят в камуфляже, даже гражданские. Стояли две машины и русский разговаривал с какими-то людьми... один на вид местный, невысокий и с узким разрезом глаз, второй и третий были русскими. Она какое-то время наблюдала за ними, потом побрела на первый этаж в поисках кухни и чашечки кофе. Кухня была большая и неприбранная, как это и бывает у мужчин, живущих в одиночку, и кофе тоже был – капал по капле в кофемашине. Она перелила его в чашку и села за кухонный столик, смакуя неожиданно хороший вкус. Когда за спиной послышались шаги – она не обернулась.

Русский прошел к кофемашине, вылил в чашку остатки кофе.

– Только не говори ничего – сказала она

– И не собираюсь...

Да, кофе хороший, просто на удивление.

– У тебя есть женщина? – спросила она. Она была оперативником военной разведки, а до того первым оператором – женщиной в истории Дельты, легендарного подразделения антитеррора. Но при этом – она была еще и просто женщиной.

– Нет.

– А была?

– Да.

– И что с ней случилось.

Русский сел напротив

– Ее убили – спокойно ответил он – террористы.

– Так из-за этого...

– Нет, не из-за этого. Когда мы познакомились, я уже этим занимался. Она просто оказалась не в том месте и не в то время.

– Тогда почему?

– Кто-то же должен, верно?

– Да, но...

Она не могла подобрать слова

– Хочешь, скажу, что происходит? – сказал русский

– Скажи.

– Происходит то, что существуют два мира. И два вида людей. Мало отличающихся друг от друга внешне – но очень отличающиеся внутри. И идет война. Знаешь... как в биологии. Борьба за существование. Их проблема не в том, что они изначально бедны или чем-то обделены. Их проблема в том, что для них не существует некоторых понятий, обязательных для нас. В сущности, они намного ближе к животным по поведению, чем мы. Стая – как у волков – вот что такое их род. Законам стаи подчиняются все без исключения, кто не хочет – изгоняется или уничтожается. Я это понял, когда женщины и дети резали нас. Это было в Чечне....

Русский оборвал себя на полуслове – очевидно, что он

сказал лишнее, и понимал это.

Натали допила свой кофе

– Нам нужна помощь...

...

– И если ты скажешь хоть слово относительно того что я...
я тебя просто убью.

– Я в этом не сомневаюсь...

Съемка была неровной, прыгающей. Сильно засвечивал свет фонарей – подствольных – часть кадра была не видна.

– Подствольная камера – сказал русский

– Они самые...

– Где это?

– Дагестан...

Было видно, как спецназовцы, прикрывая друг друга, быстро идут вперед. Было заметно так же и то, что их оружие было и летальным и нелетальным. Это обычное дело – автомат Калашникова и крепление четырехзарядного устройства типа «Оса» или крупнокалиберного револьвера, снаряженного пулями из твердой резины со стальным шариком внутри для повышения массы. Он слышал, что американцы крепят на подствольный кронштейн, переоборудованный под стрельбу нелетальными Смит-Вессон 500.

На экране – мелькнул человек в форме и упал как подкошенный

Полицейской форме

– Это полицейский участок?

– Он самый. Там мы нашли склад оружия и много чего еще...

На экране было видно, как спецназ зачищает одно помещение за другим...

– Вы атакуете полицейские участки? – с иронией сказал русский – поздравляю

– Те, кто это сделал, получили взыскание. Это могло кончиться для них увольнением, если бы не то, что они нашли...

Запись внезапно прервалась.

– На самом интересном месте...

– Дальше закрытая информация, – извиняющимся тоном сказала Натали, – но есть другое. Посмотри следующий файл.

Русский открыл следующее видео. Натали заметила, что его ноутбук не подсоединен к Интернету – вообще никак.

– *Бисмилло р-рахмону ир-рахим...* – мерзкий, гнусавый голос.

Заставка. Горы, флаг с бегущим волком. Двадцать девятое раджаба одна тысяча четыреста тридцать шестого года хиджры. Четырнадцатый год исламского сопротивления...

– *Во имя Аллаха, милостивого и милосердного мы, муджахеддины Имарата Кавказ обновляем тавбу шейху Айману аль-Завахири, амиру Аль-Каиды, да приветствует его Аллах, и признаем, что являемся частью Аль-Каиды, действуем только по воле Аллаха и являемся солдатами Ал-*

лаха, ведущими войну против неверных везде, где бы те не ступили на землю мусульман. Аллаху Акбар!

Мы знаем о том, что американцы являются неверными, объявившими войну Умме, на руках которых кровь миллионов мусульман. На руках американцев – кровь наших братьев, сражавшихся и продолжающих сражаться на фронтах джихада в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Пакистане и везде, где идет джихад. Много лет назад – американцы обещали избавить нас от пяти русистов, но не выполнили свое обещание, и в том нет ничего удивительного, ибо они неверные, а значит – предатели и лжецы.

Американцы сказали, что Аль-Каида побеждена, но крах Аль-Каиды – это миф, очередная их ложь, призванная прикрыть поражения, которые они терпят в войне с нами. Мы и есть Аль-Каида. Нас десятки тысяч, а скоро будут – сотни тысяч и миллионы. Мы объявляем американцам и всем их приспешникам войну, и будем убивать их везде, где только не встретим, на Кавказе, в Русне или где-либо еще, иншаллагъ. Ни моря, ни границы – не спасут вас от возмездия, иншаллагъ, которое падет на ваши головы за наших братьев, ставших шахидами на пути Аллаха.

Мы признаем... – спикер немного замялся, но тут же продолжил – берем на себя ответственность за истиихадию, совершенную милостью Аллаха в Москве несколько дней назад. Нашим храбрым братьям и сестрам удалось поразить сразу двух предводителей неверных, да покарает их Аллах.

Один из них уже проследовал в Ад, где он сполна получит то, что заслужил за издевательства и убийства мусульман, второй вскоре последует за ним, иншалла-гъ!

Мы так же принимаем на себя ответственность за операцию, совершенную день спустя в Вашингтоне, в здании Лэнгли, в ходе которой отправились в ад несколько сотен американских муртадов, каждый из которых был лично виновен в смертях сотен мусульман, в издевательстве над мусульманами. Воистине, Аллах дал нам победу над неверными, заслуженную двумя десятилетиями крови и мучений. Аллаху Акбар!

Американцы, сжав кулаки – слушали видео, выброшенное в Ютуб день назад. В чьей то руке – хрустнул карандаш.

– Мы призываем всех братьев, тех, кто сидит дома – выходить на пути Аллаха и сражаться с неверными везде, где их встретите, убивать их, уничтожать их имущество, сеять среди них страх – ибо победа близка, иншалла-гъ. Хвала Аллаху, мы увидим еще более удивительные победы, дарованные им верному ему воинству, как бы силен не был враг – никто не может быть сильнее Аллаха и воинов его. Вставайте на джихад, братья. Убивайте русистов, убивайте американцев, лишайте их имущества! Приходите к ним в дома, убивайте их женищин, детей, убивайте всех кого встретите – тем самым вы лишь отомстите за то, что они делают с мусульманами по всему миру, воздадите им подобным. Убивайте неверных, убивайте их пособников,

сражайтесь с любыми безбожниками и убивайте их. Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед Пророк Его. Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

– И что? Этот ролик до сих пор один из самых популярных в Интернете

– Открой третий файл

Русский открыл третий файл. Это было видео – какая-то специальная программа делала что-то вроде трехмерного анализа... подгоняя линию за линией... на глазах – рисовалась какая-то комната... рисовалась очень четко, вплоть до трещин на стенах.

– Комната.

– Она самая – сказала Натали – у нас есть суперкомпьютер, который анализирует подобные послания от террористов и создает математические модели, как помещений, так и лиц, так и всего, что есть в кадре – у нас даже есть математические модели искажений, создаваемых объективом видеокамеры, чтобы понимать, какими камерами, что было снято. Мы изымаем аппаратуру при рейдах, проверяем ее... проверяем телефоны... иногда удастся выйти на поразительные вещи.

– И та комната...

– Да. До этого – мы никогда не имели дела с чеченским терроризмом, и у нас не было никакой базы данных по нему. В качестве одной из мер для создания такой базы – все наши оперативники, действующие нелегально должны иметь при

себе две веб-камеры и записывать операции на пленку. Мы понимаем, что нелегально действуем на территории вашей страны и есть серьезные ограничения. Контроль этих ограничений производился в соответствии с видеоизображением, так мы можем следить за тем, чтобы наши люди не переступали черту.

Мы искали комнату, в которой было снято это видео, мы искали людей, снятых на видео очень долго. Сам понимаешь – то, что они совершили, сделало их для нас целями номер один. Но мы ничего не могли найти, они канули как в воду. И только после анализа этого видео, снятого нашими оперативниками – мы пришли к выводу, что видео, которое содержит признание в террористическом акте и признание в принадлежности кавказского джихада к Аль-Каиде – снято в подвальном помещении отделения полиции в городе Дагестанские огни. Компьютер – дал почти стопроцентное совпадение.

Русский пожал плечами.

– И

– Что – и? – разозлилась Натали – ты считаешь, это нормально? В отделении полиции проводится съемка ролика террористов.

Русский тяжело вздохнул

– Вам не стоит сюда лезть, вы не понимаете самых простых вещей. В отделении полиции может все что угодно. Перевалочный пункт наркоторговцев, клетки для содержания

рабов, склад оружия, даже бордель.

– Но как так может быть!? Полиция – это государственная организация, разве не так. Служба по контролю за соблюдением закона?

– В России это действительно так. А на Кавказе – нет. Видишь ли, закон нельзя установить, просто написав что-то на бумаге и проведя это через парламент. Закон становится законом только тогда, когда его готово соблюдать большинство. Тех, кто не готов, общество называет преступниками и наказывает. Возможно, у вас в стране все соблюдают законы. А вот у нас – нет. На большей части территории России – законы соблюдаются именно потому, что большая часть населения согласна их соблюдать. А на Кавказе нет. На Кавказе закон соблюдается только тогда, когда рядом есть федеральный БТР. Да и то не всегда. А в полицию – идет, потому что эта служба дает возможность открыто носить оружие, обирать торговцев и своих односельчан и получать жалование. По российским меркам оно нормальное, но по кавказским – оно просто огромное, на него можно содержать очень большую семью. Самой большой глупостью с вашей стороны будет подумать, что раз это происходило в полицейском участке, значит, к этому причастно государство. На Кавказе нет государства, государство там заканчивается на пороге русских воинских частей.

– Но почему... Почему, черт возьми, вы не наведете там порядок?

– Потому что если мы сделаем это, вы обвините нас в геноциде. Никакими другими способами – порядок там не навести.

Майор Ховард переваривала информацию

– У тебя есть водка?

– Есть немного.

– Мне надо выпить...

* * *

Закат...

Поразительно красивый в степи – солнце падает за горизонт, освещая подрастающую в поле пшеницу нежным, желто-белым, очень неярким светом. И тишина. Просто удивительно, что где-то – может быть такая тишина. Для девочки, выросшей на военной базе, рядом с орущими сержантами спецназа – тишина была просто удивительной.

– Нравится? – спросил русский. Он бесшумно подошел и встал рядом, только в последний момент она услышала его.

– Да... тихо так.

– Здесь тихо, это верно.

– Почему мы не может жить в мире? – вдруг вырвалось у нее

– Не знаю... – русский теперь стоял рядом – простой пример. Ты веришь в то, что будет лучше? В будущем.

– Нет.

– И я не верю. Значит, лучше уже не будет.

– Знаешь... это было давно. Мой отец взял меня на мыс

Канаверал. Я была тогда совсем маленькой.

– Полет Челленджера?

– Перестань, я не такая старая. Нет, тот полет как раз был успешным. Мы стояли и смотрели, как стартует корабль. И почему то мне тогда показалось, что будет все хорошо. Это был девяносто первый год...

– А у нас в тот год все было плохо.

– Да, но вы сами виноваты в этом.

– Верно – спокойно подтвердил русский, и она почувствовала, как он снова уходит за обычную для него броню – знаешь, я не виню вас в том, что тогда произошло. Мы и только мы виноваты. Мы ошиблись – мы и исправим ошибку.

– Коммунизм был ошибкой!

– Возможно. Но чтобы избавиться от коммунизма, не обязательно было избавляться от страны. Надеюсь, мы все – поняли это.

Она подумала. Потом тихо сказала.

– Мы можем хоть что-то изменить?

– Я расскажу тебе притчу – сказал русский – как то раз лягушка лежала у берега реки, и к ней подкрался скорпион. Ему надо было на тот берег реки, а лягушке надо было, чтобы он ее не ужалил. Скорпион сказал, что не ужалит лягушку, если та перевезет ее на другой берег. Лягушка не поверила, но скорпион поклялся Аллахом, и лягушка решила рискнуть.

Когда лягушка выплыла на середину реки – скорпион все-

таки ужалил лягушку. Зачем ты это сделал! – вскричала лягушка – ведь мы сейчас оба утонем! И знаешь, что ответил ей скорпион?

– Потому что я – скорпион?

– Нет. У вас в ходу неправильная версия этой притчи. Он ответил – потому что это Ближний Восток. Обычно, когда мы смотрим на то, как живут другие люди – мы ужасаемся тому, как они живут. Почему они это делают? Почему они не могут жить как мы? И что хуже всего – мы начинаем заставлять их жить как мы, порой силой. В последнее время – все чаще и чаще силой. Но обычно мы просто не понимаем и не хотим понять, почему так живут другие люди. Они так живут, потому что это Ближний Восток.

Майор Ховард поежилась от внезапного холодного ветра, налетевшего из степи

– Мы можем что-то с этим сделать?

– Наверное, нет. Просто помоги тем, кто рядом с тобой, чем можешь. Вот и все.

Русский повернулся и пошел в дом. Бывший майор армии США, а теперь оперативник американской военной разведки – ненавидя саму себя и весь мир впридачу, за то, что она такая, какая есть – последовала за ним.

03 июня 2016 года. Казахстан, Акмолинская область

Натали уехала утром. Я проводил ее, даже присели на дорожку, по русскому обычаю. Жаль мне ее. Она еще продолжает войну. Не понимая, что победить в ней невозможно, ибо главные враги в ней – мы сами.

То, что происходит сейчас с нами и с миром, в котором мы живем – не было бы возможно без нашей злобы. Своекорыстия. Гнева. Жадности. Я не знаю, когда мы потеряли невинность. Возможно, в восьмидесятых, когда с экрана хлестала зловонная жижа, а днем – пристально смотрел на страну Кашпировский. Возможно, в девяностых, когда мы сцепились друг с другом в безжалостной грызне за наследие предыдущих поколений – и вкус крови на клыках напоминает о себе снова и снова, мешая стать людьми. Возможно, еще раньше, в шестидесятые или семидесятые, когда мы поняли, что коммунизм построить невозможно, и надо позаботиться о себе как можно. Как хватит сил, ума, наглости, проворства, хищности. Я знаю, что когда то мы были другие. Моя бабушка – рассказывала мне о том, как жила деревня. А мама – о том, что они в молодости голодали в знак солидарности с какими-то борцами за мир во всем мире. Подумать только.

И мы, отказавшись от всего этого, отказались и от самой

идеи добра. Равенства. Братства. Мы отказались считать людей братьями своими – и стоит ли удивляться тому, что приходится кто-то кто готов убить тебя.

Там – мне пришлось выбирать. Дэн, Данила был ранен тяжелее, и мне пришлось его оставить. К тому же – он весил килограммов на двадцать больше – и вряд ли бы смог тащить его.

Нас пытались убить люди, которые явно пришли не просто так. Ящик Пандоры открылся после событий в Беслане, когда стало ясно: только страх. Только страх перед тайным и бессудным возмездием – может остановить тех, кто готов умереть сам, только бы убить как можно больше людей. Я когда-то и сам был частью системы. Не знаю, как она называется... да и не хочу знать. Эта система многолика и безжалостна, она держится не на деньгах. Она держится на людях, которые ненавидят так, что готовы убивать. Но в системе есть одно правило... оно никем не провозглашается, но оно есть. Если ты ни в грош не ставишь чужую жизнь – точно также, ничего не стоит и твоя.

У меня нет претензий к системе. Совсем никаких. И не потому что я выиграл, нет. Просто кто-то наверху решил – жить мне или умереть. Я выжил. Они умерли. Я доволен решением. И все что я хочу – чтобы меня оставили в покое.

Я – фермер. Простой фермер. У меня есть земля, в которую я вкладывал свободные деньги и дом, который я построил. На моих землях растет зерно. Потом мы мелем из него

муку и продаем. Вот и все, чем я сейчас являюсь.

Я – фермер. И оставьте меня в покое.

Как же...

Я подумал о том, что неплохо было бы взять отпуск и уехать – но подумал об этом поздно. Потому что на следующее утро прилетел вертолет. Я услышал его еще издали – хотя он был тихим, намного тише, чем обычная восьмерка. Мелькнула мысль сходить в дом и взять СВД – с ней я охотился здесь. Но по здравому размышлению – я от этого отказался. Все уже учтено и рыпаться не стоит, хотели бы убить – убили бы.

Вертолет был обтекаемым как акула, он сильно походил на французский Дельфин или его китайский аналог – китайских аналогов в Казахстане все больше и больше. Но это был не Дельфин и не китайский Z9 – это был Ка-62 в светлом камуфляже российской погранслужбы. Вертолет, разработка которого началась еще во времена СССР, и который должен был попасть на вооружение спецназа и некоего аналога аэромобильных дивизий США. Вместимостью и грузоподъемностью он – с американский Блекхок. Похоже, что немалый чин ко мне пожаловал.

Вертолет сел на необорудованной площадке – он для этого и был разработан, у него, например, вместо хвостового винта фенестрон. Сначала – высадились четверо, они сноровисто, как в голливудских боевиках, разбежались и залегли, обеспечивая периметр. Потом – из салона вертолета выбрал-

ся тот, кого я, увы, хорошо помнил.

Тот, кто погиб у меня на глазах.

Колорадский Жук казалось, стал еще меньше... но глаза все так же лучились добрым светом... как у бабушки. Впечатление кстати обманчивое. Очень.

Да... пора и в самом деле менять место жительства

– Я думал, вы погибли. Там... в перестрелке

Жук жизнерадостно улыбнулся

– Э... мил, друг ты не спеши хоронить. Мы до самой смерти не умрем.

– Как вы выжили? Там же невозможно было выжить.

Жук перекрестился

– Мертвым притворился. Полезное дело. Слава Богу, ни одна шальная не задела. Значит, не зря живу... осталось еще что-то.

Я ему не верил. Еще меньше верил, чем Натали. Система не первый раз пыталась убить меня. Хотя... если бы хотели, просто послали бы исполнителей.

– Как меня нашли?

– Как-как. У нас друзей везде много.

Наверное, через КНБ. Они в последнее время по бандитизму больше... но и по русским жалом водят. Русские здесь угроза, хоть об этом официально и не говорится. В этом районе, например – русских больше чем казахов. Дальше надо объяснять? А рядом – столица, да и сам район – можно сказать, житница страны.

– Ты бы меня в дом, что ли пригласил.

– Нет желания.

– Это почему...

– Не знаете?

– Ты про то... Я ведь с тобой под одними пулями был.

– И что? Кстати, кто это был?

Колорадский жук сплюнул на землю

– Предатель, вот кто. Ученик мой, можно сказать.

– И в Москве, и в...

– Да. И там и там. У него внук – в банду ушел. Те его на крючок взяли. Он дергался... не всех сдал, гад...

– Наполовину предателей не бывает.

– Да так оно...

Говорить что-то было глупо. Государство не знает сантиментов и не умеет говорить «прости». Да и за что извиняться? За то, что один из его служащих в высоких чинах оказался подонком?

Тогда придется извиняться, не прекращая ни на секунду. Я читал – так, на досуге – что после тридцать седьмого, когда расстреляли Ежова (кто-то говорил, что его не расстреляли, а забили сапогами на лестнице) – начали пересматривать дела тех, кто попал под каток. Перед теми, кто уцелел, извинились, и они стали работать дальше. А вот перед теми, кого успели расстрелять – извиниться не получилось.

Вместе с Жуком мы зашли в дом. Жук повел усами, осматриваясь

– Курчаво живешь...

– Здесь это нормально. У меня земля, она тут хорошо родит.

– Барин, значит. Помещик.

– Ну, как сказать.

– Да как есть.

– Значит, барин. И помещик. За столом с кровопийцей сидеть не побрезгуете?

– Да я то не побрезгую... Где у тебя тут руки можно помыть, с дороги?

– Вон там.

Пока Колорадский жук мыл руки – я достал из холодильника немудреную снедь, немного поколебавшись – и початую бутылку. В паре сантиметров от моей руки, на стене холодильника – прикреплен револьвер, чешская Альфа. Таких «тайников» у меня в доме несколько – на случай чего. Но тут... я объяснил уже. Все учтено.

– Я то не побрезгую, мил человек... – Жук смотрел, как я выставляю на стол лепешки с мясом – я уж этого не застал. Вот учитель мой, Владимир Пафнутьевич, царствие ему небесное – тот еще революцию застал. Помнил, как скот пас... часто рассказывал. Пасешь, а обуви нет. Пасли то до самых холодов, земля как лед. Увидел коровью лепешку, ногами встал, погрелся. Пастушка по очереди кормили, он общественное стадо пас. А он иногда придет, ему на стол лучшее мечут – а с печки глазенки голодные. Так вот и уйдешь

голодным, только бы не объедать.

Жук так и сказал – общественное. Сейчас – так уже не говорят, это раньше в деревнях так говорили. Моя бабушка – так еще говорила.

– А потом он с кровопийцами разбирался, так?

– И это было – охотно согласился Жук – всякое было. Его при коллективизации вилами заporоли, он сам показывал – шрамы остались. Ровно четыре. Еще один раз жаканом попало, думали, не выживет.

– И к чему пришли?

– Ну... вот к этому и пришли.

Я разлил водку по стаканам, но Жук покачал головой и я тоже отодвинул свой

– Врачи ... не велят. Я прошлый раз обследовался, говорят, пить не будешь, на пару годков подольше поживешь. А я и рад. Знамо дело, на том свете то – скушно...

Я все время не мог понять, он это всерьез или в шутку. Кто он такой – убийца в костюме скомороха и негнибаемой волей внутри. Что дает ему жить после того, как дело его жизни пошло прахом в девяносто первом? Ведь я и в самом деле – помещик, получается. Подпасков босоногих у меня нет – но велика ли разница. И он продолжает служить государству, зная, что оно давно уже не государство рабочих и крестьян.

– Зачем?

– Что – зачем?

Я вдруг понял, что сказал это вслух.

– Понять не могу. Вот вы. Несгибаемый коммунист, по сути. Зачем вы служите государству и строю, которые перевернулись на сто восемьдесят и оторнули все, чему вы служили до этого? Вам не противно? Или вы... замышляете переворот.

– Переворот... хе-хе...

– Вы понимаете, что переворота не будет? Что СССР мог построить босоногий пастушок – но не менеджер с двадцатью годами ипотеки.

– Да знаю я...

– Тогда – что?

– Что... А интересно мне...

– Чего же интересного?

– Интересно, до чего вы дохозяйствуетесь. Вот вы... в девяносто первом, решили, что такие умные, что вас везде ждут. Общее благо, что тремя поколениями предков собиралось по квартирам растаскали, за плиту схоронили. И вы такие умные и правильные, решили, что вас там с распростертыми объятьями примут. А вам – фиг!

Колорадский Жук и в самом деле скрутил фигу

– И что? Вот, живем – не умерли. И даже неплохо живем. Вот смотрите, я – в это время при советской власти был бы полканом – если бы умел сдерживаться. Квартиру, наверное, уже получил бы, полканов бесквартирных не было. Но земли бы не было. И дома бы не было. Да и вы, как я подозреваю – не в коммуналке ютитесь.

– Эх, и дурак же ты... – сказал Колорадский жук, – на что повелся. Земля твоя. А вот ты думал, сколько вокруг тебя безземельных? Нет, не думал. И вы все – не думаете. Вон, я недавно читал – в Молдавии голод. Настоящий голод, в двадцать первом веке, ты только подумай. В любом городе как на улицу не выйдешь – гастарбайтеры одни. Ты думаешь, это все от хорошей жизни? А ты думал, что будет, когда они решат, что терять им нечего. Совсем – совсем нечего?

– Что предлагаете? Все продать и по миру пойти.

– Дурак ты, – повторил Колорадский жук, – мы не собственный коттедж, мы новый мир строили... Где место будет у каждого. Сами жили несыто, от себя кусок отрывали. Куба помнишь, когда была? У нас после войны не отстроились еще – а туда помощь отправляли. По зову сердца. Мы новый мир строили. В котором не будет голодных. Совсем. Вот, что вы сломали. А сейчас – вы покупаете стальную дверь и ружье. И думаете, она вас защитит. И ты тут – сидишь куркулем, стволами обвешался. А думаешь – помогут тебе стволы? Когда через степь попрут – знаешь, сколько их будет.

...

– Вот, то-то. Вижу, начал понимать.

– Чего надо? – сказал я

– Да есть дела... слышал, к тебе подруга заглядывала.

Твою мать... было бы глупо, если бы не следили. Наверное, БПЛА повесили. То-то у меня последнее время нервы не на месте.

– И что?

– Да ничего. Хороша краля.

– Хороша Маша, да не ваша. Повторяю вопрос – что надо.

– Надо... да так, мелочи. У тебя контакт с американцами сохранился?

– Какими американцами?

– Да перестань... – Жук с аппетитом ел лепешку – ты ду-
маешь, мы труп не нашли. Нашли. Одного ты оставил. Од-
ного вытащил. Судя по анализу крови – бабу. Не она, кстати,
приезжала поблагодарить?

– Нет – сквозь зубы ответил я

– Это плохо. Неблагодарность, имею в виду. Надо быть
благодарным... всегда.

– Ответьте мне на один вопрос. Вы и вправду считаете,
что я должен быть благодарным России? После того, как ме-
ня несколько раз попытались убить?

Жук покачал головой

– Не скажу. Бесполезно. Если нет – значит, нет. Если че-
ловек не верит – ему бессмысленно что-то объяснять. Даже
если он иногда ходит в храм.

– А вы? Верите?

– Верю. Верю, что доживу до того момента, когда прекра-
тится все это безумие. Когда будет нужен кто-то, кто подска-
жет вам, как жить и к чему стремиться. Кто-то должен пере-
дать вам это. Иначе – не останется ничего. И никого.

– Тогда вы выбрали неподходящую профессию.

– Да, наверное...

Мы помолчали – а что тут сказать.

– Труп, который вы нашли тогда – сказал я – он был не американцем. Он был русским. Дэниэл Ефимофф. Скажете, где он лежит?

Жук достал блокнотик, черкнул несколько строк.

– Не переживай. Хорошо его похоронили. По-христиански. Нам не грозит.

– Что происходит?

Жук раздосадовано покачал головой

– Мы на грани войны, вот что происходит.

– С кем?

– С американцами.

– В который уже раз....

– На этот раз все серьезно. Очень серьезно.

...

– Американцы проводят спецоперации в Дагестане. Используют для этого нелегальные ячейки и поддержку – морских котиков. Нелегальные ячейки работают тихо, они состоят из людей, имеющих легальное прикрытие. Кого-то мы отслеживаем. Сделать мы ничего с ними не можем – только соли на хвост насыпать.

– Не можете?! – с иронией спросил я

– Хорош под...ывать – сказал Жук – это я и сам могу. Американцы – это тебе не духи. На ровном месте можно таких дров наломать. Выдворяем, конечно, много выдворяем.

Чуть что – билет в зубы и на Лондон. Но все равно – просачиваются, против нас работает все НАТО. И есть ударные группы – они работают с территории Азербайджана, там у них логово. Одно – в аэропорту Гейдара Алиева, там сейчас создали закрытую зону. Второе – на Нефтяных камнях. Может, еще что есть, наверняка есть. Доставка и эксфильтрация осуществляется либо на скоростных полупогруженных катерах, либо на скоростных лодках. Либо, похоже, еще на каких-то сверхлегких летательных аппаратах. Усиленное дежурство погранцов ничего не дает, они все-таки спецы, как-никак. Морские котики, знаешь, кто такие?

– Знаю.

– Они там и работают. Крайний раз – работали двадцать второго мая, ушли нехорошо, со стрельбой. Целое отделение полиции под нож пустили.

– Отделение полиции? Где?

– Дагестанские огни.

– И с чего это?

– Бес их знает. Мы направили ноту протеста, они привычно прикинулись чайниками. Но несколько дней назад – пришла информация, что американцы резко активизируют работу по кавказскому региону в частности и по нам в целом. В Европу – перебрасываются спецгруппы. Информации, почему это происходит – у нас нет. Но нетрудно догадаться – это связано с тем. Что они нашли в Дагестанских огнях. Шансы на то, что это что-то другое, основанное на другой информа-

ции – крайне низки.

– Я знаю, в чем дело.

Жук заинтересованно посмотрел на меня

– И в чем?

– Они снимали налет на видео, это нужно было для документирования. Потом прогнали все через суперкомпьютер, у них есть база с математическими моделями, они анализируют все флешки. Запись налета показала, что именно в этом помещении была сделана запись седьмого июня. Они проанализировали математические модели обоих помещений, и пришли к такому выводу.

– Это где ж ты такое нарыл, а? – иронически спросил Жук

– Мое дело. Я даю вам бесплатно инфу. Хотите – примите, хотите – нет.

Я уже понял, что это – еще одна проверка лояльности. Наверняка, они знали, почему активизировались американцы. Но сейчас – они хотели выяснить, выложу ли я им все – или буду юлить.

Проблема в том, что я слишком долго – для них проблема – в игре. Если вы читали Королеву Юга Артуро Переса-Реверте – то там есть, в самом начале – одна строчка. В ней сказано, что тех, кто слишком давно в игре – то есть в бизнесе по производству и транспортировке наркотиков – убивают уже потому, что они слишком долго в игре. Тот факт, что они слишком долго в игре – сам по себе рождает подозрения. И если убить не удастся – подозрения подтверждаются.

То же самое и у нас. Тот, кто слишком долго в игре – становится и слишком опасен. Прежде всего – для своих же хозяев, кто бы ими не был. Хотя бы и государство. Хотя в наше время государство трудно отделить от чиновно – мафиозных кланов.

И что бы Жук не думал – я сказал про то, откуда у меня инфа. А сам – примерно думал, где будет моя следующая остановка в пути. Моя ошибка – в том, что я затаился слишком близко. Рядом с той заначкой, которую я копил на черный день. Больше этой ошибки не будет. Австралия... Южная Африка... Латинская Америка – куда-то туда, в общем. Но здесь я больше не останусь...

А перед американцами у меня никаких обязательств нет. Даже устных...

– Интересные дела... – сказал Жук – ох, интересна сейчас жизнь. Лет сорок назад – тебя за такое дело так взгрели бы. А сейчас – хоть орден давай.

– Сутулого?

– Чего?

– Орден, говорю. Орден Сутулого?

– Ну, почему. Можем и настоящий дать. Кстати, тебе твои – не нужны? А то лежат так в сейфе. Могу отдать.

– Зачем они мне. Пусть дальше лежат.

– Ну, как знаешь. За информацию спасибо, но я к тебе, собственно, не по этому. Человека одного найти надо.

Я улыбнулся

– Только одного?

– Для тебя – да, остальными другие займутся. Вот этого...

03 июня 2016 года. Москва, Россия

Микроавтобус был современным и комфортабельным. Форд Транзит, самая большая модель, переделанная в микроавтобус уже здесь, в России. Такие – недавно появились и в США, их закупали в основном аэропорты и фирмы по доставке – они были просторнее и тратили меньше топлива, чем старые, крепкие Эконолайны.

– Кофе?

Машину потряхивало на московских ухабах – здесь они были даже в центре, в совершенно неожиданных местах. Впрочем, и в Вашингтоне асфальт был далек от идеала, особенно в последние годы, после того как денег в бюджете стало ощутимо не хватать.

– Нет, спасибо...

Термос отправляется дальше. Через глухо тонированные стекла – видно очень плохо, как в аквариуме.

– Слушаем инструктаж.

– Общее внимание!

– Из автобуса выходим только после сигнала. Держимся группой, не отрываемся от охраны. При необходимости задаем вопросы следователям, но к любым уликам прикасаться запрещено. Разрешено вести самостоятельную фиксацию, фото и видеосъемку. Еще раз – не отрываемся от спецназа, они прикрывают нас. Вопросы?

Спецназ – сидит впереди, на откидных сидениях. Восемь крепких парней в черной, боевой униформе и с русскими автоматами, похожими на МР5, но местными, сделанными на том же заводе, что и Калашниковы. Эти парни – постоянно прикрывают их – или наоборот, не дают действовать по своему усмотрению. Им не разрешено носить оружие в Москве – но на прикрытие им выделена целая группа спецназа. В общем-то, нормальные парни, трое – пользуются моментом, чтобы улучшить свой английский. Никакого антиамериканизма у них нет.

– Нет, сэр.

– Две минуты! – обернулся водитель – подъезжаем.

– Две минуты, внимание. Выходим только по команде.

Микроавтобусов уже три. В двух остальных – команды спецназа по борьбе с наркотиками, местной DEA, у русских это называется ФСКН. Обычная облава на торговцев наркотиками. На вид.

Их микроавтобус останавливается, два остальных – продолжают дальше.

Несмотря на то, что все это видели у себя в стране и не раз – те, кто может, поворачиваются, чтобы видеть, как все происходит.

Микроавтобусы подъезжают к зданию, где находятся подозреваемые – и поток бойцов в черном извергается из дверей. В отличие от американских команд быстрого реагирования, у которых особая тактика передвижения, друг за дру-

гом, почти вплотную – русские действуют скорее как морские пехотинцы, разбиваясь на группы. В голове каждой колонны – обычно человек со щитом, за щитом – может укрыться от двух до пяти бойцов. Щиты – русские используют намного шире, чем это принято в США.

В их микроавтобусе – работает рация, кто знает русский – тот слушает обмен. Судя по тому, что никаких панических ноток нет – все идет нормально.

Захват – продолжается около пяти минут, далее – их микроавтобус начинает двигаться, и они подъезжают к зданию, уже захваченному спецназом. Спецназ везде, на тротуарах, его видно за решетками ограды... штурмовая команда явно избыточна по численности. Уже слышен вой полицейских машин – но пока они не подъехали.

– Выходим!

Первыми выгружаются русские спецназовцы, они образуют защитную формацию. Следом – высаживаются и они. Норма Дженнингс, единственная женщина среди них – оборачивает камеру на себя и представляется, а так же называет дату, время и место съемки. Все это необходимо, чтоб потом запись могла послужить доказательством в суде. Хотя понятно, что суда никакого не будет.

В окружении бойцов спецназа – их восемь, на шесть американцев – они заходят внутрь. Ворота вынесены, справа – небольшая стоянка. Кайенн, еще Кайенн, Ауди Q7... Мерседес S-класса. По-видимому, в России наркоторговцы живут

ничуть не хуже, чем американские наркотики.

Спецназовцы – уже выводят задержанных. Каждого – ведут по двое, вывернув руки вверх. Подводят к стене и заставляют встать на колени, ткнувшись лицом в землю и подняв руки за спиной вверх. Одному из задержанных – на глазах американцев дают сильного пинка.

– Сэр, это законно? – шепотом интересуется Дженнингс

– Не говори глупостей, Норма – отвечает шеф. Несмотря на то, что русско-американские отношения далеки от идеальных – полицейский полицейского всегда поймет. Так что – да, это, черт возьми, законно.

Их просят остановиться, поясняя, что сейчас прибудет следственная группа и в здание – нужно будет войти вместе с ней. Следственная группа уже за забором, несколько черных Камри – это спецгруппа. Высокий мужчина с аккуратными, седыми усами – это Лисов, следователь по особо важным Следственного комитета...

Лисов подходит к командиру группы спецназа, принимает от него рапорт. Затем машет рукой – заходим.

Внутри, в хорошо отреставрированном старом особняке – настоящий бардак. Первым делом – они попадают в зал, в котором у стен стоят гробы. Окантовка сверкает медью, а то и золотом, некоторые гробы варварски пышные. Тут же стоят венки и живые цветы, некоторые вазы опрокинуты и разбиты. От цветов – в воздухе тяжелый аромат, кондиционера здесь нет, помещение не проветривается.

Русские, по указанию Лисова начинают собственную видеосъемку. Лисов становится под камеру, называет фамилию, имя отчество, должность, место съемки и все остальное, что необходимо, чтобы пленка служила доказательством в суде.

По указанию Лисова вниз двое спецназовцев спускают одного из тех, кого нашли на втором этаже здания. Это коренастый, пузатый человек лет сорока – пятидесяти, и волосы у него кажется, растут даже из носа. Похож на итальянца. Пузатый – громко возмущается беспределом.

– Ваши фамилия, имя, отчество – строго спрашивает Лисов

– Салимов! Салимов Салим Ильдарович!

– Гражданство России есть? Вы гражданин России?

– Канэчно. Зачем сюда пришли! Здесь все граждане, никакой нелегал нет!

Лисов морщится, но задает вопрос за вопросом. Обе камеры, и американская и российская – фиксируют происходящее.

– Салим Ильдарович, вы сказали, что вы являетесь директором похоронного агентства. Опишите – что находится в этой комнате и кому это принадлежит.

Салимов вдруг резко замолкает.

– Салим Ильдарович!

– Говорить не буду! – угрюмо отвечает пузан – адвокат мне давай, да...

Американцы переглядываются. Большая их часть – прошла через CID, дивизион криминальных расследований и научилась отличать людей, которые не чисты. Этот – точно нечист и знает это.

– Все ли гробы здесь – принадлежат вашему похоронному агентству?

Пузан молчит, злобно зыркает по сторонам.

– Хорошо. Ваше право – не отвечать. Итак, в связи с наличием оперативной информации о нахождении в данном помещении веществ и препаратов, свободный оборот которых запрещен или ограничен в соответствии с законодательством РФ – мною, следователем Лисовым Иваном Евгеньевичем принято решение о проведение обыска в данном помещении с использованием специальных технических средств, а именно – портативной рентгеновской установки, а так же служебно-розыскной собаки. Понятые – имеют право присутствовать при проведении исследования, задавать вопросы, требовать внесения замечаний в протокол. Приступаем.

Первой – в помещение вносят собаку. Обычная такса на поводке – для поиска наркотиков обычно используют небольших, охотничьих норных собак, они требуют меньше корма, их легче транспортировать и они могут пролезть там, где не пролезет более крупная собака. Кстати, рассказы о том, что таких собак делают наркоманами, чтобы они искали наркотик просто смешны – ни одна собака, если ей дать

наркотик, не выживет Собака на поводке – ничего не находит, перебегая от одного гроба к другому. Потом – бросается к ступенькам, которые ведут к чему-то, напоминающему ресепшн в отеле и начинает лаять.

– Криминалиста сюда!

Криминалист – под камеры берет пробы с пола. Показывает – белый порошок. Очень немного. Похоже, просыпали...

– Ничего не хотите сказать, Салимов?

Пузан тяжело дышит, лицо его серое – похоже, предынфарктное состояние. Впрочем, дышать тут совсем нечем, может, и они выглядят не лучше.

Затем – вносят портативную рентгеновскую установку. Она размером примерно с маленький, плоский телевизор, израильская.

Почти сразу – техник, проводящий исследование кивает, и Лисов – поворачивается к ним.

– Двое, подойдите сюда! С камерой!

Норма и Грег – отправляются к камере. Рентгеновскую камеру оставляют включенной специально для американцев. На экране – видна внутренность гроба.

– Вскрываем?

– Если только найдем, как это сделать, не повредив гроб. Они нужны как улики. Сначала – проверим все до единого.

* * *

Гробов с тайниками – оказалось шесть. Ни в одном – судя по изображению с рентгеновской камеры – наркотиков не

обнаружено.

К зданию – подогнали Камаз, русский грузовик с глухим кузовом. Одного за другим – задержанных сажают в этот Камаз. Пузана – сажают отдельно, в Тойоту, на него надевают колпак на голову и наручники.

Следственные действия завершены, у ограды и дальше по улице – множество полицейских машин и просто Волг и Тойот с мигалками на крыше.

Лисов – молча курит, отойдя в сторону.

Старший среди агентов ФБР подходит к нему, за ним – как приклеенный держится оператор русского антинаркотического спецназа. Лисов делает знак рукой – и спецназовец отходит, присоединяясь к своим, охраняющим остальную часть следственной группы ФБР.

Американец уже хорошо знает Лисова. Кроме того – полицейским разных стран всегда есть о чем поговорить. У всех одно и то же.

– Того что нашли, будет достаточно для предъявления обвинения? – спрашивает американец

– Да... – Лисов разгоняет дым рукой – если это героин. У нас незаконным является хранение любого количества героина. А там его – не меньше грамма собрали.

– Скажут, что просыпал кто-то из посетителей.

– Мы возьмем пробы со всех внутренних поверхностей гробов. Если какой-то пакет был поврежден – там тоже могло остаться.

– А если не осталось?

Лисов пожимает плечами

– Ну, хорошо. Допустим, мы накрыли банду торговцев наркотиками. И что с того?

– Теперь мы можем понять, откуда взялся тот гроб, который взорвался там у вас.

Американец вынужден признать, что это так. Подтверждается одна из версий и снимается одно из противоречий. Дело в том, что один из вопросов, возникших при взрыве в Лэнгли, заключался вот в чем: визит бывшего президента Буша был подготовлен за достаточно короткий срок и его не афишировали – ни американцы, ни сами русские по просьбе американцев. Если террористы узнали о визите – как они смогли так быстро разработать план и подготовить гроб, в который можно было поместить взрывчатку. Теперь понятно: гроб уже был. Он использовался для транспортировки наркотиков, причем сделан был так, что не прикопаешься – очень аккуратная работа. Потом – в один из гробов вместо пакетов с героином положили двадцать четыре фунта высокоэффективной взрывчатки и детонатор.

– Но мы не знаем, кто туда подложил взрывчатку.

– Будем допрашивать.

Американец с трудом сдержался – он видел, что русским, в общем-то, плевать на все.

– Со всем уважением, мы бы хотели более... активного содействия.

Лисов показал на машины за оградой

– Как думаете, зачем они здесь?

...

– Скорее всего, это машины тех, кто крышевал наркобизнес, они приехали посмотреть, что происходит. Там, в том числе – фсбшники, полицейские, Госнаркоконтроль. Разобравшись, они начнут давить со всех сторон. Так что если нам просто дадут раскрутить это дело – это уже будет хорошо.

– Круто.

– А у вас не так?

– Нет.

Но американец – почти сразу поймал себя на мысли, что он врет...

03 июня 2016 года. Баку

Гражданский самолет типа Гольфстрим-650, зарегистрированный на некую оффшорную компанию на Виргинских островах – совершил посадку в аэропорту Баку примерно в один – сто Зулу, то есть в 11.00 по Гринвичу или в 15.00 по местному. Аэропорт Баку был хорошо знаком пилотам этого довольно старого, купленного уже подержанным самолетом, они приземлялись здесь как минимум десятков раз.

Для того, чтобы вывезти задержанных по программе чрезвычайной выдачи, так называемых PUC – person under control. Этот термин был придуман военными юристами США для того, чтобы не давать задержанным или захваченным в бою моджахедам прав военнопленных по Женевской конвенции. Хотя странно... происходи это лет семьдесят назад, их просто и без экивоков называли бы бандитами и мятежниками. Но сейчас другое время... совсем другое. Время недоговорок и недомолвок. Время красивых слов и грязных дел, время тайной войны.

Самолет запросил посадки и сел в общей очереди, после чего подрулил к бизнес-терминалу. По правилам – сейчас таможенники должны были подняться на борт: те, кто имеет несколько миллионов долларов, чтобы потратить на собственный самолет, вовсе не обязаны стоять в общей очереди на паспортный контроль. Но вместо этого – к самолету

подкатали несколько внедорожников Тойота, крыша каждого из которых была накрыта чем-то, напоминающем толстую кожу – так раньше отделявали дорогие американские лимузины, кожа не только внутри – но и снаружи. Вот только это была не кожа, а кевларовые маты: машины были бронированы специальным, быстро устанавливаемым комплектом. И американских лимузинов больше не было – потому что на дворе были не восьмидесятые, а десятые. Десятые годы нового, двадцать первого века. Века, который обещал быть веком ненависти...

Машины – забрали несколько человек и покатали, набирая скорость по бетонке бакинского аэропорта, прямо к недавно возведенному новому карго-терминалу. Он высился на горизонте: быстровозводимые склады армейского образца, огромные, сорокафутовые контейнеры, покрашенные в песочный цвет и соединенные между собой кабелями силовых и информационных систем. Необычным было то, что вокруг складов и между ними – было возведено что-то типа громадного шатра: высокие стойки, соединенные между собой и акры белой, плотной ткани, по прочности не уступающей брезенту. Иначе было нельзя: русские знали об этом месте и несомненно, следили за ним со спутников.

Людей около терминала было немного. Гражданские специалисты, в костюмах летных техников ВВС и в гражданских костюмах и сорочках с короткими рукавами, спецназовцы. Эти – выделялись яркими гавайками и карго-штанами или

шортами, на ногах были обычно дешевые китайские тапки. Но пистолет на поясе в кобуре – обязательно, а у тех, кто стоял на часах – было и автоматическое оружие...

Некоторые ангары – а их было восемь штук – были открыты, но входы в них были завешены полотнищами из толстого полиэтилена как на складах – рефрижераторах. Кое-где стояли массивные воздушные пушки, создавая потоки воздуха и принося желанную свежесть. Несмотря на весну, здесь было жарко и душно, воздух как будто застыл в мареве...

Машины остановились только тогда, когда въехали под навес. Места тут и впрямь было достаточно для всего, даже для конвоя бронированных машин.

Дверь открылась.

– Прошу за мной, сэр...

Подтянутый офицер ВВС – пошел в сторону ангаров. Министр безопасности Родины Сол Аренберг – последовал за ним. Он был одет по-летнему и при нем не было вещей, кроме небольшой папки, которую он держал подмышкой.

Они прошли в ангар. В ангаре – было на удивление прохладно, но в то же время шумно. Система кондиционирования создавала необходимый микроклимат, а завеса – не давала прохладному воздуху смешаться с горячим воздухом улицы. Больше половина места в ангаре занимали два вертолета. Глухо-черного цвета, с резкими, гранеными очертаниями, но без выступающих частей – они были похожи на хищных рыб. Капоты двигателя одного из вертолетов были

открыты и около него, на передвижной лестнице – стоял техник, светя внутрь зажатым в зубах фонариком. Около второго – разговаривали несколько человек, в отличие от тех, кто шлялся на улице одетых по-военному, и с оружием. Недалеко от них, в углу – стояла полная оружия пирамида и в ряд – лежали рюкзаки и другое снаряжение. Аренберг пригляделся – это были не привычные для телезрителя в руках хороших парней американские карабины М4. В отличие от Афганистана и Ирака здесь было царство Калашниковых...

Долговязый, худой, с проседью в волосах человек – увидел Аренберга, кивнул своим людям, и пошел к ним. Он был одет в какой-то дурацкий костюм с оранжевыми вставками и каскетку ExxonMobil.

– Добро пожаловать в Баку, господин министр... – сказал он

Аренберг кивнул... хотя мыслями он был далеко. Он уже был в Баку... еще ребенком, с родителями, и ему навсегда запомнился этот теплый, приветливый, многонациональный город. Да, когда они заходили на посадку – то видели небоскребы нового делового центра... один из них был похож на застывший в стекле язык пламени. Но счастливы ли теперь здесь люди? Осталось ли то неуловимое, что было здесь... атмосфера семьи, единения, праздника. Не будет ли Азербайджан новой горячей точкой, не принесут ли они сюда беду своим появлением.

Ответа на этот вопрос – он не знал.

– Неплохо выглядите, адмирал... – иронически сказал старик, показывая глазами на каскетку

– Приходится маскироваться. Здесь все крутится вокруг нефти и самый лучший способ не привлекать к себе внимания – это добывать нефть. Если ты добываешь нефть, то всех интересуешь не ты сам, а твои деньги. Вы уже заселились?

– Нет, я ненадолго.

– Отлично...

– Это и есть... ну, те птички, на которых вы летали в Абботабад?

– Ну, не конкретно эти... та птичка сейчас не работает. Когда будет можно – ее выставят в музей. А это – несколько усовершенствованные варианты. Но мы ими не пользовались ни разу до настоящего времени.

– Почему?

– Нет смысла, сэр. Это страховка, не более. Рабочие птишки у нас – обычные Хипы, выкрашенные в цвета нефтяных компаний. Их тут много и они не вызывают лишних вопросов.

– Хочешь быть здесь незаметным – добывай нефть?

– Да, сэр...

Адмирал МакРейвен – выжидающе смотрел на министра. Тот неопределенно повел глазами вокруг

– Здесь ведется прослушивание?

– Не думаю, сэр. Мне ничего об этом неизвестно.

– Тогда пройдемся.

Два человека с оружием направились было за ними, но адмирал махнул рукой и они отстали.

– Я смотрю, тут серьезно поставлено дело с безопасностью, адмирал

– По ту сторону границы – как минимум полк русского спецназа, сэр. Имеющего боевой опыт и воюющего постоянно. Это не говоря о других подразделениях, которые тоже имеют боевой опыт. От Баку до русской границы – чуть более ста миль. И мы не можем быть уверенными в том, что русские не решат однажды наведаться сюда...

– Мы ведем войну не с русскими.

– Да, но русским на это плевать, сэр.

Они вышли на воздух – и жара, непривычная для этого времени года – окутала их влажным одеялом. Дышалось тяжело, пахло нефтью и выхлопом реактивных двигателей самолетов. Назойливый гул аэропорта – лез в уши.

– Вы, вероятно, гадаете сейчас, зачем я прибыл? – спросил министр

– Да тут и гадать нечего, сэр. Та операция... черт, парни не виноваты. В конце концов, в любых операциях есть оправданный риск. И им пришлось принимать решение на месте. На мой взгляд оправданное решение. Что касается тех полицейских – они явно сотрудничали с местными экстремистами.

– Сотрудничали, адмирал... – сказал Аренберг – и вы даже не представляете, как...

– В конце концов, сэр, нам удалось чисто уйти. И мы обошлись минимально возможным насилием, как это нам и предписано – в конце концов, мы и в самом деле не воюем с русскими. Если речь идет об ответственности...

– Речь не идет об ответственности – сказал Аренберг – речь идет о том, что вашим людям удалось добыть информацию стратегической важности.

...

– Ваши люди ведут запись всего происходящего. Нашлемные камеры, верно?

– Да, сэр, в некоторых случаях это бывает полезно.

– Так вот, в процессе разбора ситуации – мы получили копию от военных юристов. И загнали ее в компьютер. Первоначально – нам надо было определить, насколько вы использовали все возможности для того, чтобы избежать смертельного насилия по отношению к русским полицейским. Но компьютер выдал нечто совсем удивительное. Адмирал, вы помните запись, которую слили в Интернет после седьмого июня? Мы из Аль-Каиды?

О, да... адмирал ее помнил и очень хорошо помнил. Потому что просматривал ее в ситуационной комнате Белого дома.

– Да, сэр.

– У нас есть программа. Секретная, но допуск у вас есть. Ублюдки повадились снимать все что они делают, посылать подобные записи журналистам и вываливать это в Ютуб, что-

бы все видели.

– Флешки, сэр.

– Что?

– Флешки, сэр. Тут это так называется.

– Да... флешки, точно. Мы разработали программу математического анализа подобных записей. Каждую такую запись – мы прогоняем через компьютер и обрабатываем, ища отличительные признаки. Люди, оружие, обстановка – все идет в дело. Флаги, ковры... иногда нам удается разглядеть номер на оружии, иногда – какое-то украшение, татуировку, родинку. Иногда – дефекты на стене или на флаге. Так вот – те записи, которые поступили к нам от пентагоновских юристов – мы тоже прогнали через комп, потому что такая процедура. И что они показали?

Старый еврей с торжествующим видом поднял палец

– Неужели... то самое место?

– Точно, адмирал, точно. Компьютер дал ответ, что именно в этом месте была сделана запись, известная как «Запись седьмого июня». В одном из помещений здания этого районного полицейского управления.

– Вот ублюдки...

Министр МБР показал на тент

– Давайте, повернем в обратную сторону

Они и в самом деле – дошли до края тента

– Сукины дети... – не успокаивался адмирал

– Кто?

– Русские. Все-таки, это они подстроили... Гады...

– Почему? – спросил Аренберг

– Но как же. Они записали флешку, и отправили...

Аренберг покачал головой

– Самая большая ошибка, которую мы сейчас можем сделать, это обвинить во всем русских. Не мне вам объяснять, что творится в наших СМИ по отношению к России после Украины – и если это всплывет, то все просто взбесятся. Поэтому, я засекретил информацию, пока мы в ней не разберемся. А разбираться есть в чем.

Адмирал не нашел что ответить.

– Вы не раз видели послания, подобные посланию седьмого июня, верно?

– Приходилось видеть.

– Вам ничего не бросилось в глаза в послании седьмого июня?

– Ну... обычное послание, эти убления не видят необходимости в разнообразии. Только записано на русском, почему то.

– Именно – сказал Аренберг – кое-что вы все же заметили. Мы ведем учет подобного рода посланиям – как думаете, сколько из них записано на русском языке?

– ???

– Около двух с половиной процентов. Единственный конфликт, в котором русские проявили столь активное участие, что даже записи писались на русском языке – это конфликт

в Сирии. Во всех остальных – записи пишутся на арабском, возможно на местных диалектах. Или на урду, но намного реже. Арабский язык – священный язык для мусульман, они считают, что даже Коран в переводе теряет свою святость. И это рабочий язык джихада, спикеры обычно говорят на арабском, даже если в банде есть не арабы. Почему эта запись была сделана на русском языке?

– Возможно, если мы говорим про Кавказ, она была ориентирована в первую очередь на Россию и русских?

Адмирал сам понял, что сказал глупость – какой смысл делать эту запись для русских? Эта запись была сделана для американцев, для мирового сообщества. Она объясняет самую страшную из всех террористических атак последнего времени, последствия которой более страшны, чем события 9/11. Эта атака произошла в США и была нацелена на США. Адмирал понимал, что в России – США не любят, и то, что произошло – вызвало у многих скрытую радость. Да, на Россию такую запись нацеливать бессмысленно.

– Может, у них не нашлось подходящего арабского спикера? Тех двоих, что удалось опознать на пленке – оба они русскоязычные.

– Да... – Алишер Мамедалиев, уроженец узбекского сектора Ферганской долины, и Искендер аль-Руси, амир отряда специального назначения так называемого «Фронта ан-Нусра», отличившийся в Сирии. Но и тот и другой не могли не знать арабский, верно. Первый – участник сообщества Хизб-

ут-Тахрир, проходил террористическую подготовку в долине Сват, участник повстанческих действий в Сирийской Арабской республике, примкнувший к «Фронту муджахеддинов Кавказа». Второй – предположительно этнический русский, радикализовавшийся и участвовавший в боевых действиях в Сирии. Оба они не могли не знать арабский – так почему же Мамедалиев говорит по-русски?

...

– Это первый момент. Второй – почему спикер именно Мамедалиев? Он до этого момента был мелкой сошкой, его даже в JPEL⁷ не было до того, как он засветился на экране. По своему статусу в террористической иерархии – он как минимум на две ступени ниже Искендера аль-Руси. Почему говорит именно он?

...

– Мы провели анализ. Если не брать случаи, когда берут интервью или говорит оператор, объясняя происходящее – флешки всегда записывает старший в джамаате, амир. Это честь – но одновременно, это и обязанность, от выполнения которой нельзя уклониться. Эти люди ведут смертельную войну и радуются не только чужим смертям, но и своей. Для них – пасть от руки врага означает гарантированный пропуск в рай. Поэтому – запись обязан делать амир даже

⁷ joint prioritized effects list – списки лиц, которые проходят с пометкой «при обнаружении уничтожить», списки лиц чрезвычайной опасности. В нем числится более 2000 человек.

зная то, что по результатам этой записи он попадет в JPEL. А тут – говорит Мамедалиев, а русский – при этом просто стоит и не произносит ни единого слова. Получается, что из них двоих – главный Мамедалиев, но это абсурд.

– Может, потому что русский изначально не был мусульманином, а Мамедалиев мусульманин с детства?

– Тогда это нарушение законов шариата. В исламе нет понятия «обращенный с детства». Каждый, кто принял ислам, даже минуту назад – становится равным всем остальным мусульманам. Асабийя, национализм – является одним из наиболее порицаемых проявлений джахилии, невежества. За национализм – положена смертная казнь. Аль Руси по нашим данным – амир крупной террористической группировки. Мамедалиев – просто исполнитель. Не сходится, верно?

...

– Третье. Я консультировался со специалистами по исламскому праву. Пленка была записана тем, кто имеет очень отдаленное представление о нормах шариата, она вызвала возмущение даже в исламском мире. Некоторые из улемов, мусульманских богословов – отреклись от этих людей публично, другие – сказали, что эти люди, хотя и сделали амаль, усилие на пути джихада, своими словами они нарушили законы шариата и теперь нуждаются в прощении Аллаха. Последние слова – слова наших врагов, тех, кто открыто оправдывает террористические методы и практики. Но даже они – не смогли полностью поддержать тех, кто записал эту запись.

– Возможно, не хотят попасть в хит-лист.

– Возможно. А возможно и что-то другое. Например – что эту запись сделал некто, кто решил воспользоваться терактом и поссорить Россию и США. Вызвать новый раунд холодной войны. А то и вооруженный конфликт. На Украине не получилось. Может теперь пробуют здесь?

Адмирал вспомнил сырой польский лес в белорусском приграничье и себя – на земле, под дулом пистолета. Он знал того парня, который направил на него пистолет – он был из десятой группы спецназа, базирующейся Германии. Американец...

– Может...

– Вот и я так думаю – сказал Аренберг – вполне может.

– Но почему тогда истинные виновники теракта не взяли за него ответственность? И как это сходится с тем, что мы нашли в этом Дагестане?

– Истинные виновники? За теракты 9/11 так толком никто и не взял ответственность. Бен Ладен хотя и выступил с обращением, мало кто смотрел его в оригинале, и воспринимал его на том языке, на котором это было произнесено. Бен Ладен приветствовал произошедшее – но не сказал: да, парни, это я сделал. Полагаю, что те, кто это сделал – сделали это отнюдь не для того, чтобы рассказать об этом всему миру. А то, что мы нашли в Дагестане... это тоже может быть истолковано очень двояко. Одна из ошибок, которую мы совершаем – мы считаем, что если человек работает на прави-

тельство – то все, что он делает, делает от имени правительства. А это далеко не так. У него могут быть и собственные интересы, верно? Особенно в Дагестане, где есть очень значительная прослойка людей, ненавидящих Россию.

...

– Или как вам такое? В записи седьмого июня на экране мы видим несколько человек в масках и двоих – без них. Один из них – это Мамедалиев, другой – аль-Руси. Говорит Мамедалиев, Аль-Руси молчит. Может быть, это происходит потому, что люди в масках сломали Мамедалиева и заставили его говорить? А русского показали на экране без маски исключительно потому, что один Мамедалиев, берущий на себя ответственность за самый страшный теракт последнего времени – выглядит совсем глупо и неубедительно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.